

ХУДОЖНИК ЛЕОНИД ЛАБЕНОК

Леонид Васильевич Лабенок родился 24 мая 1927 года в Ленинграде. Окончил Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В.И. Мухомовой (ныне Академия). Участник Великой Отечественной войны. Награжден медалью «За отвагу», орденами Отечественной войны II степени, медалью «За трудовое отличие», орденом «Знак Почета», Серебряной медалью М.Б. Грекова. В 1956 году получил звание народного художника Украины, лауреат Премии АРК. Около 20 лет был председателем Крымской организации Союза художников Украины, членом правления и секретарем Союза художников Украины и СССР. 8 сентября 2000 года Леонида Васильевича Лабенка не стало... Многолетнее знакомство, добрые отношения, долгие беседы об искусстве, о жизни позволяют мне рассказать об этом удивительном, необыкновенном человеке.

Он любил повторять: «Спешите любить, спешите делать добро». И это не просто слова. Это было его жизненное кредо.

На долю будущего художника выпало немало испытаний. Мальчишкой был связным у партизан во время оккупации Крыма. После освобождения полуострова служил в армии. И мечтал стать художником. Окончив отделение монументальной живописи, вернулся в Симферополь. Вот как вспоминал о том времени: «Никто здесь не знал, что такое монументальное искусство. Даже коллеги. Когда представлялся, слышал: «А, церковный художник...». «Считали, что монументальное искусство — только в церкви и в метро. Потом уже начали расписывать санатории, пансионаты, Дома культуры в колхозах. Быстро разочаровался в такой работе, которой надо было прикрывать огрехи архитекторов, несуразность зданий, словом, заниматься украшательством. Я ведь почему поступил на монументальное отделение — был очарован техникой фресок, их благородством, тонкостью, которая сродни акварели. А когда понял, что самовыразиться в произведениях, сделанных по определенному заказу, с определенной целью, не смогу, перешел на станковую живопись. Всегда любил пейзаж. И, конечно, волновала тема войны. Но не те кульминационные моменты, когда стреляют, взрывают, — мне ближе «второй план», человеческое восприятие войны...».

На многих выставках экспонировалась, во многих журналах была воспроизведена его работа «Папа». Кирпичная стена, в проеме которой вдалеке виден купол храма, а на стене — выполненный детской рукой портрет молодого человека в солдатской пилотке. Рисунок кусочком школьного мела сделала и отошла в сторону, зардевшись от смущения, нескладная длинноногая девочка-подросток. Это 13-летняя дочь Варя позировала отцу. В ней трогательность нежного создания, представлявшего себе папу, которого не помнит, которого любит безмерно, по которому тоскует детская душа и не может смириться с потерей, поверить, что не увидит родное лицо никогда-никогда... Варвара Леонидовна считает, что только благодаря отцу, его умению образно объяснить, справилась тогда со сложной задачей. Не только искусствоведы оценили полотно. Хранится в семейном архиве письмо доцента Казанского университета М. Магдеева с коротким, но емким отзывом: «Вам удалось без нагромождения пушек, самолетов и колючей проволоки показать всю трагедию войны, оставившей сиротами миллионы детей...»

И снова воспоминание художника: «Репродукция эта по всему свету разошлась, где только ни была! А я, глядя на нее, не мог поверить, что справился с портретом, который надо было именно детской рукой вывести. Непосредственности, искренности учился у детей, разглядывая детские рисунки». Непосредственность, искренность — основные черты его творчества. Потому что это и черты его характера. Можно достичь высочайшего мастерства, но никогда не добиться трогательной чистоты, если сам художник не обладает этим качеством. Сегодня дочь мечтает, чтобы его внучка Маша, которой передались способности деда, шла, конечно, своим путем в искусстве, но частицу души его пронесла через всю жизнь и в главном была похожа на него.

Скромность и обаяние Леонида Васильевича покоряли буквально всех, с кем он общался. И ровесников, и молодых. К нему тянулись все. Врожденная интеллигентность придавала особый дух и его творчеству, и всем делам, за которые брался. Хорошо бы почаще вспоминать сегодня Симферопольский Дом художника. Именно благодаря Леониду Васильевичу, председателю Крымской организации Союза художников Украины, удалось «пробить» передачу бывшего главпочтамта, на который претендовали многие организации, творческом союзу, который был для него, наряду с живописью, делом жизни. Он мечтал, чтобы это был Дом не только для выставочных экспозиций, но стал местом постоянных встреч творческой интеллигенции, где бы звучала музыка, лицедействовали актеры. Он многое успел для этого сделать. Дай Бог, чтобы дело Леонида Васильевича Лабенка, которого по праву называют корифеем крымского изобразительного искусства, было продолжено. Оно стоит того. Недаром его друзья и коллеги считают, что в крымском изобразительном искусстве была эпоха Лабенка...

В последние годы он не рвался участвовать в выставках, объясняя это так: «Понял, что изобразительное искусство — это тишина. В тиши мастерской художник переваривает то, что увидел, что пережил, что было с ним

когда-то, с его близкими, друзьями. Рождение картин также интимно, как рождение ребенка. Если работа достойная, она придет к зрителям».

Но он не был отшельником, затворником в творческой мастерской. Люди тянулись к нему. И он с радостью принимал каждого, кому было интересно его творчество. Он, как и его искусство, был востребованным. Далеким от конъюнктуры, нужным людям. Потому что, найдя собственный путь в искусстве и в жизни, помогал и другим найти собственное место.

«Художник — комок сомнений и нервов, — объяснил он как-то раз свою позицию. Найдешь в его творчестве хорошее — человек начинает в себя верить. Ругать и критиковать мы все горазды. Иногда, конечно, и это надо. Но критикуя, сумей найти хорошее. Не гаси, а раздувай искру Божию». Это был его принцип — поддерживать эту искру, деликатно, тонко «врезать правду-матку». И обижаться на него было невозможно. Никто и не обижался, потому что все знали — это от чистого сердца, чтоб приподнять, а не уронить человека в собственных глазах. Чтобы помочь, а не утопить...

В его работах — самое сокровенное, что было за душой. А душа его была возвышенной. О самобытном таланте и блистательном мастерстве не раз писали, пишут и напишут еще искусствоведы. Когда его просили определить, что есть искусство, он вспоминал слова Алексея Толстого: «Искусство — зверь, не знающий пощады: ему нужно все, и не нужно ничего...». И добавлял свое: «А человеку нужна перспектива. И вера. В свое предназначение и в то, что ты сам, дело рук твоих и сердце твое нужны людям». С этой верой он и ушел от нас. Неожиданно, стремительно... Оставив на Земле все, чем дорожил.

Сберечь бы высеченную им добрую искру творчества и всеобъемлющей любви...

Симферополь. 2001.

